

УДК 821.161.1–311.6.09+929Васильев

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ Б. А. ВАСИЛЬЕВА И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ «КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ»

А. М. Лобин

Ульяновский государственный технический университет
E-mail: amlobin@yandex.ru

В статье исследована концепция истории Б. А. Васильева, рассмотрены методы ее художественной реализации, выявлены типологические жанровые характеристики романа «Князь Святослав».

Ключевые слова: литература и история, художественная концепция истории, современный исторический роман, эволюция жанра.

B. A. Vasilyev's Idea of History and its Realisation in the Novel «Prince Svyatoslav»

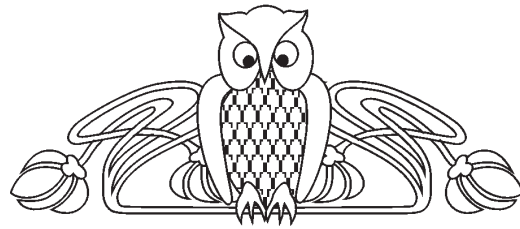
A. M. Lobin

The author investigates B. A. Vasilyev's idea of history, the devices used for its artistic realization and reveals genre features of the novel «Prince Svyatoslav».

Key words: literature and history, artistic idea of history, modern historical novel, genre evolution.

В начале XXI в. интерес к истории в обществе, хотя и снизился заметно по сравнению с последними десятилетиями XX в., остается все же достаточно высоким. Об этом можно судить, в частности, по количеству исторических романов, изданных уже в 2000-х гг. Ряд новых произведений создан такими известными мастерами, как А. Антонов («Анна Ярославна. Русская королева», «Адашев. Воевода», «Елена Иоанновна. Государыня», «Воевода Шейн» и др.), Б. Тумасов («Усобники», «Вздыбленная Русь», «Гурко», «Краснов», «Иван Молодой» и др.); новую серию романов о русских князьях создал Б. Васильев («Ольга, королева русов», «Князь Святослав», «Александр Невский», «Владимир Мономах», «Владимир Красное Солнышко» и др.); продолжается выпуск серии «Русь изначальная»¹; выступил в роли исторического романиста и Б. Чхартишвили, выпустивший под псевдонимом А. Брусникин романы «Девятый Спас», «Герой иного времени», «Беллона».

И хотя в новом веке исторический роман уже не является ведущим жанром в общем потоке ретроспективной прозы (сильнейшую конкуренцию составляют мемуарная, автобиографическая, историко-фантастическая проза, а также постмодернистский исторический роман), все же его составляющая остается весьма значительной, так как количество произведений, обладающих жанровыми признаками исторического романа, исчисляется десятками.

Однако, сохранив формальные жанровые атрибуты (историзм; историческая проблематика и тема, обращенная в прошлое; отдаленность изображаемой эпохи, отображение исторических событий и деятелей)², современный российский исторический роман не мог сохранить без изменений свою идейно-философскую основу, поскольку социальные, экономические и культурные перемены, произошедшие в нашей стране в конце XX в., существенно изменили историческое сознание постсоветского общества. Под влиянием этих факторов (а также в русле общей эволюции художественной литературы на рубеже XX–XXI вв.) должны были измениться и художественные концепции истории на основе которых создают свои произведения авторы.

Целью данной работы является анализ авторской концепции истории в романе Б. Васильева «Князь Святослав» как одном из наиболее репрезентативных произведений в жанре современного исторического романа. Решение этой задачи позволит выявить границы жанровой трансформации современного исторического романа в сравнении с советским историческим романом, а также определить новые художественные средства, использованные автором для воплощения своей концепции.

Данное произведение – не первая книга в серии, повествующей о создании и становлении Русского государства: «Князю Святославу» закономерно предшествуют «Вещий Олег» и «Ольга, королева русов». Также надо отметить, что киевский князь Святослав – одна из самых легендарных и харизматичных фигур в русской истории, поэтому о нем писали и другие авторы: С. Складенко («Святослав»), А. Мазин («Князь», «Герой»), В. Поротников («Последний подвиг Святослава») и др. В этих романах он представлен читателю как внук Рюрика, сын Игоря и Ольги, отважный воин и знаменитый полководец, победитель Хазарского каганата, успешно воевавший с самой Византией.

Борис Васильев, если судить о содержании по аннотациям опубликовавший его издательство, создал роман, продолжающий эту традицию: «Сын княгини Ольги и князя Игоря вошел в историю как отважный воин, победивший хазар, успешно воевавший с Византией и присоединивший к Великому Киевскому княжеству множество земель. Автор не ограничивается описанием подвигов Святослава, его герой – личность трагическая, испытывавшая и нелюбовь матери, и

предательство друзей. Мучительные раздумья о судьбе родной земли не покидали его вплоть до случайной и загадочной гибели» (Вагриус, 2006); «мужественный военачальник и тонкий дипломат, Святослав предстает перед читателем героем поистине шекспировского масштаба, пережившим нелюбовь матери, измену соратников, коварство приближенных. Но его характер воина и патриота лишь закалился в этих испытаниях...» (ПРОЗА-иК, 2009). Однако прочтение названного текста убеждает, что в данном случае аннотации мало соответствуют содержанию.

Прежде всего, по Б. Васильеву, Святослав рожден княгиней Ольгой от воеводы Свенельда, то есть он фактически незаконнорожденный, а во-вторых, гибель Святослава не является ни случайной, ни загадочной: киевский князь попал в хорошо организованную засаду и был убит княжичем радимичей Бориськой, а инициатором этой акции стал родной отец Святослава, воевода Свенельд. И, наконец, Святослав в этом романе патриотом никак не является, о чем прямо заявлено в тексте: «...едва слухи о нападении печенегов на Киев достигли Святослава, он тут же вернулся с дружиной в Киев. Поступил он так совсем не потому, что пожалел киевлян и свою мать великую княгиню Ольгу. Он пришел в Киев, чтобы решить судьбу своих детей. До всего остального ему решительно не было никакого дела. Он завоевывал себе собственное государство на Дунае по примеру наиболее удачливых варяжских конунгов недавнего прошлого...»³.

Таким образом, остается отважный воин, мужественный военачальник и трагическая личность, пережившая нелюбовь и предательство – в отношении шекспировского накала страстей в романе обе аннотации совершенно справедливы, так как версия о незаконном происхождении Святослава существенно обостряет все межличностные конфликты.

Предложенная версия событий, с одной стороны, не является заведомо фантастической и в целом укладывается в рамки описанных в летописях событий⁴, а с другой – представляется произвольной, не основанной на известных исторических фактах и, соответственно, абсолютно недоказуемой. Можно предположить, что автор сознательно поставил цель реализовать одну из версий истории, посвященную такому известному и загадочному ее эпизоду, как гибель князя Святослава, и весь текст, предшествующий эпилогу, является ответом на вопрос «Кто и как организовал убийство Святослава?». Такое отношение к истории следует считать симптоматичным для современного исторического романа, создаваемого в эпоху идеологического вакуума.

При этом общая концепция развития общества в романе основана на идее экономической детерминированности социальных процессов. Автор подчеркивает важность торговли и контроля над торговыми путями⁵; новгородское купечество

снабжает Святослава всем необходимым для похода на Хазарию именно для того, чтобы он предварительно разгромил поволжских булгар, грабящих их караваны; в организации военных походов постоянно учитывается экономический аспект проблемы (необходимость дорогой брони, плата наемникам, ценность добычи) и пр.

Автор не утомляет читателей сложными расчетами: экономический аспект событий не выдвигается на первый план, однако на его наличие и значимость систематически указывается – таким образом, мотивация исторических процессов объясняется вполне материалистически, с позиций современной теории развития общества. А вот не менее значимые культурологические и религиозные аспекты, напротив, игнорируются автором практически полностью: достаточно отметить, что среди действующих лиц нет ни одного жреца или вождя, не представлено ни одного языческого обряда (так же как и христианского) – и это в романе о языческой Руси накануне Крещения!

Тематика произведения, в отличие от избранной версии истории, вполне традиционна: мудрая княгиня Ольга с помощью воеводы Свенельда выполняет историческую миссию объединения славянских племен и ассимиляции их с русами в рамках централизованного государства⁶. Для выполнения этой задачи она ограничивает власть Боярской думы и проводит административную реформу: устанавливает единую систему налогов, определяет разумный размер дани, организует административные центры («погосты») для ее сбора. Ольга ведет политику умиротворения подконтрольных племен и развивает внешнеполитические связи: совершает поездку в Константинополь, принимает крещение, сватает в жены своему сыну Святославу европейскую принцессу. В романе политическая деятельность княгини Ольги в полном объеме не описана, но ее направление и содержание указаны вполне определенно.

Святослав, в свою очередь, с раннего детства готовится к военной деятельности, собирает дружину и совершает несколько походов на племена вятичей и радимичей, буртасов и волжских булгар, а главным его успехом стал полный разгром Хазарского каганата. Его последующие походы на Дунай, захват болгарских городов и сражения с армией базилевса Иоанна Цимисхия отличались большим размахом и ожесточением, однако закрепиться на Дунае Святославу так и не удалось.

Можно сделать следующий вывод: в романе описаны почти тридцать лет российской истории, в течение которых правящая княгиня Ольга укрепляла и объединяла Киевскую Русь, а ее сын, великий полководец Святослав, разгромил наиболее сильных и опасных на тот момент противников; дунайские походы Святослава существенной пользы не принесли, но прославили Русь так же, как походы Олега и Игоря на Царьград – именно так и оценивали эти события все российские историки начиная с XVIII в. Возникают закономерные

вопросы: зачем автор выбрал столь нетрадиционную версию происхождения Святослава и в чем, собственно, заключается художественная новизна его романа?

Оригинальность романа Б. Васильева выразилась не только в скандально-эпатирующей трактовке событий и оценке исторических лиц⁷. Принципы отражения художественного мира в его исторических романах заметно отличаются от сложившейся литературной традиции. Так, в «Князе Святославе» практически отсутствуют описания быта, нравов, образа жизни, местности. Автор последовательно избегает топонимов и конкретных имен⁸, сообщает о перемещениях, но не указывает времени и расстояний⁹, опускает некоторые эпизоды¹⁰, не сообщает о смене сезонов – в итоге продолжительность описываемых событий может быть выявлена только косвенно¹¹, а их общий масштаб без привлечения внешних источников неопределим в принципе.

Такое пренебрежение пространственно-временными характеристиками и систематическое отсутствие детализации в описании мира создают некий абстрактный хронотоп, лишенный конкретного содержания и масштаба, характерный не для исторического романа, а скорее для средневекового героического эпоса. Так, описывая художественный мир такого произведения, Д. С. Лихачев отмечал как одно из его свойств «степень быстроты действия лиц <...> большее или меньшее сопротивление окружающей, физической же, среды», а в характеристике «Слова о полку Игореве» отметил, что «мир «Слова» – это мир легкого и незатрудненного действия <...> стремительно совершающихся событий. Герои «Слова» передвигаются с фантастической быстротой и действуют почти без усилий <...> Автор легко переносит повествование из одного пункта в другой... Динамические свойства той «модели мира», которую создал в своем произведении автор «Слова», чрезвычайно близки к народной сказке. Там также события совершаются как бы без физического усилия»¹².

То же самое можно с полным правом сказать и о мире Б. Васильева. Кроме того, его героям свойственно устойчивое пребывание в одном определенном психологическом и социальном состоянии, поэтому, выключаясь из сюжетного действия на долгие годы, они могут вновь включаться в него совершенно в том же качестве¹³. Эта особенность романа напоминает свойство хронотопа «Песни о Нибелунгах», которое отметил А. Я. Гуревич: «...нет представления о непрерывно текущем потоке времени, оно дискретно, прерывисто. Время эпоса – время шахматных часов»¹⁴.

Одним из важнейших элементов концепции истории является критерий оценки исторических событий, поэтому представляется необходимым рассмотреть роль тех событий, которые сам автор рассматривает как значимые и ключевые. Такие эпизоды маркированы в тексте риторическими

авторскими отступлениями: «неизвестно, что произошло бы дальше, и как бы повернулась история всего Киевского княжения, если бы...» (26), «как бы повернулась не только дальнейшая судьба самого князя Святослава, но и вся история Руси, если бы...» (65), «откажись тогда упрямец Святослав <...> и историческая карта Европы <...> была бы иной» (75), «это рукопожатие и изменило в будущем весь исторический путь России» (81), «не случись тайного гонца, так и вся наша история пошла бы по-иному» (95), «неизвестно, как бы повернулась история Древней Руси, а значит, и наша, если бы в стан не прибыл посланник новгородского посадника» (100). О каких же событиях идет речь? Первый такой эпизод – это установление контроля над Боярской думой княгиней Ольгой. Далее следуют: поражение в войне, заставившее нового императора Византии искать союза с Русью; согласие Святослава стать новгородским князем; договор с новгородским посадником о совместном походе на Булгарию; решение Ольги женить Святослава. Очевидно, что все эти события являются безусловно значимыми, но ни одно из них столь же безусловно не является случайным¹⁵. И хотя Б. Васильев охотно указывает на Случай или Удачу как причину успеха: «в истории правит Его Величество Случай» (75), «история пошла бы по-иному. Ею правит случай, которого чаще всего либо не замечают, либо забывают о нем» (95), «спасла его только удача. В городе вдруг, сразу во многих местах, вспыхнул пожар» (100–101), «далеко не всем улыбается богиня удачи.. Но порой удача улыбается столь незаметно, что поди ее разгляди» (119) – все же упомянутые случаи случайными отнюдь не являются. Трудно назвать случайностью согласие Святослава принять почетное и выгодное княжение в Новгороде или решение Ольги и Боярской думы женить своего князя. Что же касается удачи, то Святослава спасла все же не она, а воевода Морозко, проникший в болгарский город и устроивший пожар; а княжич радимичей Бориська смог сбежать из рабства не милостью «богини удачи», а благодаря умению плавать.

Поскольку биография князя Святослава представляет собой прежде всего историю войны, то проблему соотношения средств, целей и успешности их достижения представляется наиболее логичным рассматривать именно на военном материале. Итак, в чем же, по мнению Б. Васильева, секрет успеха походов Святослава?

Первый его поход на вятичей закончился неудачей из-за отсутствия основательной разведки, но следующее сражение с варягами у Новгорода удалось выиграть благодаря точному расчету и неожиданности удара; поход на Булгарию и Хазарию оказался победоносным опять-таки вследствие тщательной подготовки¹⁶, а также поддержки союзников (черных клобуков, берендеев и печенегов)¹⁷, существенную роль сыграло и решение Святослава выстроить войска «клином», что сразу

расстроило планы противника. А вот в войне с византийским императором Иоанном Цимисхием (также отважным воином и талантливым полководцем) он проиграл, потому что «если великий князь Святослав был непревзойденным тактиком, то Цимисхий прекрасно разбирался в стратегии. И, в конце концов, навязал захватчикам русам маневренную войну...» (170).

Анализ содержания романа приводит к выводу, что главным условием достижения цели в художественном мире Б. Васильева являются точный расчет и тщательная подготовка, решительность и дисциплина, а вовсе не удачная случайность. Нет в этом мире места и мистическим предопределениям или идеям изначального превосходства русских воинов над другими¹⁸, а также чьей-то исторической правоты или прогрессивности. Таким образом, основным фактором, решающим судьбу государств и народов становится человеческая воля. Это, прежде всего, воля правителей, но не только: так, отрок Глеб, сумевший вызвать подмогу, спас Киев от набега печенегов¹⁹; стойкость болгар, оказавших Святославу самое ожесточенное сопротивление, позволила византийцам собрать войска. Можно назвать и другие аналогичные примеры.

На чем же основана эта воля? На осознании героем исторической необходимости или влияния каких-то других внешних и высших сил? На этот вопрос автор отвечает вполне определенно: «... писаная история учитывает факты, игнорируя страсти человеческие. А ведь миром, в конечном итоге, правят именно страсти» (103). А поскольку главным героем этого произведения является великий киевский князь Святослав Игоревич, то именно его страсти, его характер, мотивы поведения и должны стать главным объектом анализа.

Итак, что сообщает нам автор о Святославе? Самые заметные его качества – это аскетизм и жестокость, которые автор описывает часто, охотно и в деталях²⁰. Образ жизни Святослава хрестоматийно известен, но под пером Б. Васильева он принимает несколько фантастический вид: «стоял с... личной стражей под Киевом. Он повелел не строить никаких укрытий, даже шалашей, спать на голой земле, подстелив попону, и не варить никакого хлеба» (67); «спал на попоне, положив голову на седло, а меч – под правую руку. Вставал с первыми проблесками утренней зари, когда его дружина еще досматривала манящие утренние сны. Раздувал костер, чуть поджаривал на угольях тонкие куски конины, ставил на рогатину над костром котел с хлебом. А пока варилось это хлебово, неистово, до седьмого пота занимался приемами ручного боя. Потом снимал рубаху, окатывался холодной водой и будил своих соратников» (113).

То же самое и с жестокостью: «огнем и мечом прошел по всей Волжской Булгарии, сжигая дома и беспощадно убивая мужчин» (120); «девять дней закалывали хазарских воинов, девять дней

лилась кровь, сопровождаемая дикими плясками дружинников. И над телом старого воина был возведен целый курган из отсеченных голов» (154); «Святослав для устрашения болгар прибег к широкому захвату заложников... Свыше трехсот женщин и детей было обезглавлено» (71). Такая свирепость никак не может быть объяснена природной дикостью русов или славян, поскольку княгиня Ольга, воеводы Свенельд и Морозко, «европейская супруга» Святослава и даже его дружинники²¹ – все возмущены его образом действий, следовательно, даже для тех суровых времен он представлен чрезмерно беспощадным.

В то же время эти душевные качества вовсе не являются врожденными, поскольку при необходимости он вполне способен смягчаться, в частности, воевода Морозко все же убедил его пощадить буртасов, хотя формально поход на Волгу (Булгария и Хазария) был затеян именно для того, чтобы отомстить за давний разгром ими дружины Игоря²², не стал он чрезмерно зверствовать и во втором своем походе на вятичей²³, которые когда-то нанесли ему поражение. Что касается аскетизма, то в детстве он «по княжеской традиции вставал не рано. К моменту его обильного завтрака дружина под руководством Морозко, наскоро проглотив утреннее хлебово из общего котла, уже махала мечами до седьмого пота. Великий князь со свежими силами вступал в состязания, легко выигрывая учебные бои» (54).

Очевидно, что в обоих случаях мы видим не черты характера и не традиционный образ жизни, а осознанную линию поведения. И автор указывает вполне определенный момент, когда эта линия была избрана, – встреча юного князя со старым варягом, который завещал ему несколько варяжских заповедей: вставать раньше всех; спать на голой земле, подстелив попону и положив седло под голову; не возить с собой никаких обозов, а питаться тем, что убьешь на охоте, или кониной, и кроме того, он должен был взять отдельную клятву на верность с каждого из своих дружинников, быть жестоким, но справедливым и всегда сражаться впереди своих воинов.

В конечном итоге выходит, что князь Святослав, третий законный правитель Киевской Руси (после Олега и Игоря), уже созданного централизованного государства, которое он должен был укреплять и беречь, принял кодекс поведения варяжского конунга²⁴. Принятие этих заповедей было закреплено убийством своей собаки по приказу старого варяга и отказом от любимой девушки, поскольку «конунг русов не имеет права на слабость. Никакой любви – она отдана дружине. Никаких женщин – они крадут силу. И поэтому их надо брать насильно, любви все равно нет» (69).

По логике фабулы романа, этот духовный переворот мотивирован получением известия о том, что он не Игоревич, а сын Свенельда²⁵, что произвело на княжича неожиданно сильное впечатление²⁶. Однако это все же не причина такого

решения, а только последний толчок²⁷, и чтобы выявить собственно причину, следует рассмотреть остальные черты характера Святослава.

В том, что касается характеристики героя, автор не скупится на прямые и нелицеприятные оценки: «всю жизнь хотел быть лучше всех, удачливее всех, а самое главное, хотел прославиться, стать знаменитым» (56), «не в меру упрям и капризен... чудовищно честолюбив» (75), «не обладал способностью просчитывать последствия своих шагов» (169). Автор также указывает на изначальную необычность его характера: «странно, но он и вправду ничего не боялся. Ни темноты, ни одиночества, ни зверей, ни людей. Место страха с самого раннего детства заняло в нем чувство настороженности, предупреждавшее об опасности. Это чувство свойственно крупным хищникам, но каким-то неведомым образом оно по-хозяйски разместилось в душе мальчика, единственного наследника Великого Киевского Стола» (9), «он не играл. Он сосредоточенно смотрел, как играют приемыши его матушки Сфенкл и Икмор, и заставить его улыбнуться еще никому не удавалось» (11).

Эти задатки формировались под влиянием специфических обстоятельств: не случайно Б. Васильев отмечает, что первым ярким впечатлением в его жизни стала война. В итоге жизнь во дворце, в центре внимания множества взрослых, но в то же время без родительской ласки²⁸ закономерно сформировала достаточно специфичный характер: «с раннего детства он привык только повелевать и командовать. И сохранил это на всю жизнь, так и не научившись властвовать» (19), «жаждал независимости, стремился к полной личной свободе» (46) – именно это природное стремление к неограниченной власти и свободе и определило его цель и образ жизни.

Здесь, вероятно, уместно было бы уточнить задачи, которые ставил перед собой автор, поскольку без учета его понимания истории корректная оценка содержания невозможна. «Историю пишут люди, но сама по себе она полновластный монополист, диктующий историкам причудливые извивы собственного творения. И написанная история, которую с седых времен учат в школах и университетах, которой занимаются мудрые историки, есть всего лишь видимая часть айсберга, есть только то, что можно хоть как-то истолковать, чтобы получилось внятно, а главное – научно. Мы, современники, анализируем или пытаемся анализировать только то, что нам видно. Но кто может бесспорно разъяснить, почему вдруг тот или иной исторический персонаж поступает именно так, а не иначе. И мы с отчаянной смелостью предлагаем свое собственное толкование его тяжелой поступи» (74) – так определил он свою позицию.

Можно обоснованно предположить, что «писаная история», эта «видимая часть айсберга», для Б. Васильева – всего лишь внешняя канва событий, рамка, а основной его интерес привле-

кают именно «страсти», с помощью которых он пытается истолковать поступки своих героев, и князя Святослава в первую очередь. Количественное соотношение эпизодов, описанных в романе, также указывает на то, что автор стремится не к тому, чтобы описать быт и нравы или реконструировать события – главным объектом его внимания, безусловно, является жизнь и смерть великого киевского князя Святослава Игоревича. Очевидно, что именно смерть как закономерный итог жизни вызывает наибольший интерес: «великий князь вяло отбивал удары скорее по воинской привычке, нежели стремясь спасти свою жизнь. Он потерял ее смысл. Перестал быть великим киевским князем, неразумно раздав на уделы великое княжество своим сыновьям. Он принес неисчислимые бедствия Руси, но был сломлен продуманной стратегией Цимисхия. Главное же заключалось в том, что он утратил свою мечту – так и не завоевал себе собственного княжества... И княжич Бориска удачным выпадом снес голову великого князя Святослава с плеч... Так закончил жизнь один из самых выдающихся полководцев раннего Средневековья. Варяг не построил собственного государства, но погиб – как варяг» (182).

Если оценить содержание романа с этой финальной точки, то «странности» хронотопа, а следовательно, и типологическое сходство романа, написанного в начале XXI в., с сагами или средневековым эпосом представляются вполне закономерными. Главным содержанием романа «Князь Святослав» следует считать описание судьбы его главного героя – эта особенность объясняет и небрежное отношение автора к описанию окружающей реальности: все герои, события и обстоятельства занимают ровно столько места, сколько они значат в жизни Святослава. Его жена осталась безымянной именно потому, что для мужа она вообще ничего не значила. По той же причине отсутствуют описания местности, быта и прочие детали окружающего мира – они и не важны, и описаны многократно в более ранних исторических романах. Автор уделяет внимание только тем обстоятельствам, которые играют роль в сюжете: «харалужные мечи», вооружение степняков, характеристика нравов славян и пр.

Устремленность произведения к финалу проявилась и в его композиции, точнее – в объемном соотношении частей: небольшой (175 стр.) роман разделен на 3 части, каждая из которых делится на главы (в 1 части – 10 глав, во второй – 5, в третьей – 3), разделенных в свою очередь на нумерованные отрывки очень небольшого объема. Так, завершение балканской кампании и смерть Святослава описаны в эпилоге на двух страницах. Такая дробность произведения вызвана и масштабом описанных событий – ведь на этих 175 страницах представлены, пусть поверхностно и фрагментарно, почти тридцать лет российской истории (с 945 по 972 год)! Однако главным результатом такого композиционного построения

становится эффект ускорения сюжетного времени. А избыточная дискретность хронотопа и почти полное отсутствие «сопротивления среды» приводят к «сгущению», уплотнению всего художественного мира в целом, что избавляет сюжетное действие от избыточных подробностей и акцентирует внимание читателя на ключевых эпизодах и поступках героев, а в конечном итоге – на судьбе князя Святослава.

Сконцентрированность сюжета на личности главного героя характерна и для саг, и для средневекового эпоса²⁹, аналогичными свойствами обладает и агиографическая литература. В какой же степени роман Б. Васильева родственен этим архаичным жанрам? Если учесть, что основной движущей силой в сагах является Судьба как «всеобщая детерминированность социальной жизни <...> внутреннее предназначение человека», которая «нередко представляется персонализированной в облике девы – хранительницы удачи»³⁰, а в мире Б. Васильева события детерминированы все же социально-экономическими процессами (поэтому в нем полностью отсутствуют так называемые превратности судьбы), то сходство это следует считать только типологическим и по большей части случайным.

Оно определяется, прежде всего, типом главного героя: активного, одержимого одной целью, непрерывно борющегося за свою Судьбу³¹. Скандинавскую Судьбу (Удачу, Долю или Счастье) Б. Васильев заменил социально-экономической детерминированностью исторического процесса и поместил архаичного в своей типологической основе героя в иную, мало подходящую для него среду: Святослав с его одержимостью и первобытной жестокостью выбрал судьбу варяжского конунга, искателя удачи и представляет собой совершенно иной, первобытный, тип государственного деятеля, что во многом объясняет причину его отчуждения как от родных отца и матери, так и от общества в целом (его верных поборников трудно назвать друзьями, поскольку как личности они совершенно несамостоятельны).

В чем же причина его неудачи: неужели он был недостаточно решителен или прикладывал недостаточно много усилий? Такой причиной представляется сопротивление среды, того мира, в котором действует герой. Легко и без видимых усилий у Б. Васильева происходят только перемещения в пространстве и физические действия (сражения, походы), а на события социальные, серьезно меняющие ход истории, эта легкость не распространяется. В романе нет ни одного героя, который смог бы добиться своей цели без посторонней поддержки: княгине Ольге удалось удержать власть и реформировать Русь только благодаря друзьям детства Свенельду и Берсеню; Свенельд также добивался своих целей благодаря помощи близких ему людей (друга Берсеня и его сына Неслыха, сына Люта, приемьша Руслана и др.); княжич Бориська смог отомстить Святославу

только вместе с тем же Русланом и печенежским ханом Курей. Список таких примеров можно продолжить – ведь и Святослав, как уже было написано, побеждал только с чужой помощью.

А качества одного человека в романе решающей роли практически не играют: Свенельд и Ольга, какими бы мудрыми они ни были, так и не смогли решить проблему с собственным сыном. Другой наглядный факт: князь Святослав заявлен великим воином, значительную часть времени и сил тратящего на личную боевую подготовку, но во всем романе нет ни одного значимого эпизода, где это его умение повлияло бы на исход событий. Да и вообще, автор описал всего один поединок с участием Святослава – тот, в котором его убили. Также в романе нет практически ни одного случая, чтобы чья-то смелость, или мудрость, или меткость полностью решили бы исход дела.

Можно утверждать, что любое событие в романе осуществляется не в результате усилий одного человека, каким бы великим он ни был, а только в результате сложения решений и поступков многих людей. Но такое сложение происходит только тогда, когда в исходе этого события заинтересовано достаточное множество людей. Разгром Булгарии и Хазарии стал возможен только потому, что у хазар хватило противников среди кочевников, а Ольга и Свенельд выделили для похода киевскую дружину. И гибель Святослава произошла из-за того, что у него оказалось слишком много деятельных и энергичных врагов.

Провал последнего похода оказался неизбежен, потому что в этот раз никто из близких не оказал Святославу существенной поддержки, и ему для осуществления своей мечты пришлось набирать наемников. Когда же византийцы выступили против него, военное счастье немедленно покинуло Святослава. Дело ведь не только в том, что опытный стратег Цимисхий сумел навязать невыгодный русам вариант маневренной войны – тут и сам Святослав, и его его мудрый отец, великий воевода Свенельд, вдруг резко утратили полководческое мастерство: «о возможной осаде армии Цимисхия никто не подумал – ни решительно безрассудный великий князь, ни опытейший и все оценивший полководец Свенельд» (174). Так армия Святослава попала в долгую осаду, причем в сражениях, предпринятых для прорыва, погибли поочередно Сфенкл и Икмор, его ближайшие друзья и побратимы с детских лет.

Почему же в этот раз победа досталась византийскому императору – неужели только потому, что он был более опытным полководцем? Нет, этот фактор существенный, но не решающий: «Цимисхий неторопливо, продуманно стягивал войска в один кулак. Он прекрасно представлял себе опыт, сплоченность и выучку как дружин Великого Киевского князя, так и знаменитого Свенельда и не хотел рисковать понапрасну. Перед ним стояла благородная задача полностью разгромить захватчиков, ворвавшихся в его страну»

(175). И эту задачу он решал не один: «болгары не желали сдаваться. Жертвывая своими крепостями, они выигрывали время для Византии... От этого жертвенного сопротивления великий князь, не в силах понять причины его, зверел все больше и больше. Тысячи ни в чем не повинных женщин и детей были отправлены на тот свет в жесточайших муках и без всякой вины» (171). Таким образом, следует учитывать и фактор сопротивления: каждое действие Святослава вызывало активное противодействие не только врагов, но и близких – в частности, его план раздела Киевской Руси вынудил родного отца организовать ту роковую засаду у днепровских порогов.

Анализ романа «Князь Святослав» приводит к выводу: концепция истории в романе основана на линейной концепции времени, где все события изложены в хронологическом порядке и выстроены в причинно-следственную цепь. Общий ход исторического процесса направляется логикой социально-экономического развития. Высшие провиденциальные силы (Провидение, Судьба и т. п.) в художественном мире роли не играют.

Образ будущего у Б. Васильева традиционен, поэтому авторская оценка событий вполне соответствует общепринятому со времен Н. Карамзина мнению о прогрессивности киевских князей от Рюрика и далее как основателей централизованного русского государства. Однако его создание не предполагается обязательным и неизбежным – не случайно автор так часто напоминает, что история могла бы пойти другим путем.

Решающим фактором, определяющим выбор Пути истории, как уже сказано выше, становятся поступки героев, выбор их личного Пути, совершаемый по личным побуждениям в конкретных условиях. Поэтому единственным существенным отличием концепции истории Б. Васильева от классической концепции советского исторического романа следует считать заметное повышение роли личности как движущей силы исторического процесса. Вследствие этого резко возрастает роль «страстей» (в частности, поэтому автору понадобилась интрига с незаконным происхождением Святослава), а каждый герой у Б. Васильева выступает не как типичный представитель какого-либо класса или народа, а именно как личность, имеющая собственные цели и интересы. Можно даже утверждать, что детерминизм социально-экономический заменен в романе на детерминизм психологический: автор не делает рефлексии героев основным объектом изображения, однако в основе всех ведущих конфликтов лежат не столько объективные причины, сколько психологические (так, вражда Святослава с родителями основана исключительно на отсутствии контакта в детстве).

Если считать, что главным объектом изображения в романе «Князь Святослав» становится Судьба человека (но Судьба не как нечто предписанное изначально высшими силами, а как реализация личности в конкретных исторических

обстоятельствах), то ведущей становится проблема нравственности, этического выбора. Ведь если ход истории направляется преимущественно поступками людей, то на первый план выходит проблема регулирования человеческих отношений. Главный принцип этого регулирования лучше всего сформулирован в народной пословице «Как аукнется, так и откликнется». И судьба Святослава, описанию которой посвящен весь роман, наглядно этот принцип демонстрирует: избрав путь варяга-завоевателя, киевский князь потерпел закономерную неудачу, поскольку достаточного количества людей, разделяющих его цели, он не нашел, а вот противников приобрел множество – в итоге совместные действия вторых и бездействие первых и привели его к гибели.

Этические критерии автора опираются на представление о необходимости и благотворности государственного строительства. Так, в романе нет ни одного героя, которого можно было бы с полным правом назвать бескорыстным или гуманным – все они в той или иной мере жестоки и эгоистичны, однако есть герои, которые действуют не только для своей, но и для общей пользы (их судьба в этом случае складывается сравнительно благополучно), и те, кто добивается только личных целей и терпит неудачу, как Святослав. Первые избегают бессмысленной жестокости, учитывают чужие интересы и оказываются окружены друзьями и активными помощниками, вторые никого не щадят и идут напролом, закономерным результатом чего становится их одиночество.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что концепция романа Б. Васильева «Князь Святослав» в основных своих чертах (образ будущего, концепция времени, характер движущих сил) выстроена в рамках традиционной концепции истории, сформулированной советской исторической романистикой еще в середине XX в. Однако в ней уже присутствует идея вариативности исторического процесса, резко возрастает степень свободы исторической личности, понимаемая именно как личность индивидуальная, поступками своими направляющая ход истории, что, в свою очередь, усиливает роль этического императива, служащего эталоном «правильности» избранного Пути.

Методы репрезентации этой исторической концепции (сгущение «хронотопа», фрагментарность в описании мира, ускорение сюжетного действия и др.) определяются спецификой образа заглавного героя, определившей типологическое сходство «Князя Святослава» с архаичными средневековыми жанрами – ведь не случайно это произведение определено как роман, без прилагательного «исторический».

Примечания

- 1 Седугин В. : «Князь Игорь», «Князь Рюрик», «Князь Кий», «Князь Гостомысл – славянский дед Рюрика» ; Поротников В. : «Битва на Калке», «Куликовская

- битва», «Ледовое побоище. Разгром псов-рыцарей», «Батыево нашествие. Повесть о гибели Русской Земли», «Русь против Орды. Крах монгольского ига»; Павлищева Н. : «Княгиня Ольга», «Ярослав Мудрый» и др.
- ² См.: *Кормилов С.* Историзм художественный // Современный словарь-справочник по литературе. М., 1999. С. 206.
 - ³ *Васильев Б.* Князь Святослав // Б. Васильев. Собр. соч. : в 12 т., М., 2011. Т. 9. С. 165–166. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
 - ⁴ Княгиня Ольга действительно родила его достаточно поздно, после тридцати лет бесплодного супружества, что дает достаточную почву для спекуляций, а «Повесть временных лет» сообщает о намерении Святослава перенести свою столицу в Переяславец на Дунае.
 - ⁵ В частности, война Византии с Арабским халифатом мотивирована стремлением Константинополя взять под контроль Великий шелковый путь, по этой же причине византийцы поддержали Святослава в его походе на Хазарию.
 - ⁶ По версии Б. Васильева, дружина Рюрика, состоящая из норманских викингов-отщепенцев, существенной роли так и не сыграла, а объединяющей силой стало племя русов, не родственное ни норманам, ни славянам. Именно вождь русов Олег (сын князя Синеуса) завоевал Киев для Игоря (сына Рюрика), именно Олег создал Киевское государство и он же, чтобы избежать раскола, выдал свою единственную дочь Ольгу замуж за Игоря.
 - ⁷ В предыдущих романах серии автор выдвинул версии об отравлении князя Олега князем Игорем и гомосексуализме Игоря, вынудившего Ольгу на связь со Свенельдом. Убийство Игоря было организовано не столько древлянами (как свидетельствуют летописцы), сколько тем же Свенельдом, отомстившим Игорю за смерть Олега, а также за преступления его отца Рюрика.
 - ⁸ В частности, все упомянутые славянские племена различаются лишь названиями, а регион их проживания, столичные города не указаны, имена их правителей упоминаются только по необходимости, также не указаны расположение и название столицы Булгарии, не назван ни болгарский, ни хазарский правители, и даже имя жены Святослава, родившей ему двоих детей, осталось неизвестным.
 - ⁹ В описании Б. Васильева многолетние войны с Хазарским каганатом (965–966 гг.), Болгарией и Византией (968–971 гг.) совершенно не выглядят продолжительными.
 - ¹⁰ Святослав (если верить летописям) после заключения мира с Византией в 971 г. не смог сразу вернуться в Киев и был вынужден зимовать в низовьях Днепра, но в романе Б. Васильева эта зимовка просто не упоминается. Также без подробностей и задним числом сообщается о таких значимых событиях, как поездка княгини Ольги в Константинополь и ее крещение.
 - ¹¹ Так, в главе 9 автор сообщает о женитьбе Святослава на некоей европейской принцессе и последующем разводе с ней – но только в следующей главе упоминается, что она успела родить ему двоих сыновей. Таким образом, на трех с половиной страницах (с. 97–100) описаны события бытия двух, по меньшей мере, лет, причем ни прямых, ни косвенных указаний на их продолжительность в тексте нет.
 - ¹² *Лихачев Д.* Сюжетное повествование в памятниках, стоящих вне жанровых систем XI–XII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 200–201.
 - ¹³ Княжич радимичей Бориська был продан Святославом в рабство задолго до похода на Хазарию, то есть не позднее 964 г. Бежав, он примкнул к печенегам и много лет дождался случая отомстить. По тексту романа создается впечатление, что все эти семь или восемь лет Бориська так и провел возле днепровских порогов в засаде, не пытаясь вернуться домой или как-то иначе устроить свою судьбу.
 - ¹⁴ *Гуревич А.* Хронотоп «Песни о Нибелунгах» // Гуревич А. Средневековый мир : культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 123.
 - ¹⁵ Решение о походе на бургасов и Хазарию Святослав принял сам, задолго до того, как новгородцы предложили ему свою помощь в организации похода. Можно предположить, что без этой помощи поход мог бы не состояться, или завершиться менее успешно, однако она стала всего лишь необходимым средством, а не причиной.
 - ¹⁶ Святослав подготовил достаточное количество «метальщиков ножей», сыгравших важную роль в этой битве; новгородский посадник снабдил его лодками и «харалужными мечами»; боярин Неслых (начальник киевской разведывательной службы) обеспечил знающим проводником и сведениями о противнике, а весь план кампании был предварительно продуман в Киеве воеводой Свенельдом и другими боярами.
 - ¹⁷ Именно фланговая атака берендеев решила исход схватки с хазарами: «... прорвался бы великий князь к центру, разрезав хазарские ряды, или атака его захлебнулась бы в блеске и звоне хазарских мечей – не известно. Но тут опытный хан берендеев, не медля ни секунды, повел в атаку свою конницу на левый край хазарского войска. И сразу же, следуя его примеру, черные клобуки ринулись на правое крыло хазар, не просто осыпая их стрелами, но и тесня распаленными битвой лошадьми» (с. 147).
 - ¹⁸ Пожалуй, во всей серии романов Б. Васильева нет народа, который можно было бы назвать сильным или слабым, смелым или трусливым.
 - ¹⁹ Хрестоматийно известный эпизод, когда киевлянин, притворяясь печенегом, потерявшим коня, пробрался через кольцо осады и вызвал подмогу.
 - ²⁰ Это практически единственный аспект содержания, где автор указывает точные цифры: «три дня великий князь Святослав праздновал тризну по погибшему послу»; «девять дней длилась тризна» и пр. (с. 120, 154).
 - ²¹ «Личная дружина Святослава понесла не только большие потери, но и распалась по возвращению из Хазарского похода. И не просто потому, что устала воевать, но и утраченная непонятной жестокостью своего вождя». (с. 157).
 - ²² «Великий князь на копье взял город, спалил его дотла, но из захваченных мужчин казнил только сорок чело-

- век. Их головы украсили погребальные ладьи погибших в бою дружинников». (с. 123).
- ²³ «Вятичи сопротивлялись вяло, вскоре признав главенство Киевского Великого княжения. Взяв с них умеренное полюдь – богатств хватало после хазарского похода, а самолюбие было удовлетворено, – Святослав вернулся в Киев». С. 156.
- ²⁴ «Отныне моя семья – моя дружина. Мой дом – моя дружина. Моя опора – моя дружина... я соберу молодцов со всей земли и завоюю себе собственное княжество». (с. 100).
- ²⁵ Об этом его известили византийцы, подослав лазутчика с сообщением, вытатуированным по-гречески на спине.
- ²⁶ «Казалось, что его подлинный отец словно бы крадет у него не только княжескую наследственную прерогативу, не только право именовать великого Рюрика своим дедом, но и само его будущее. Будущие походы, будущие победы, будущую славу. Прижитой на стороне сын не мог быть великим князем. Не мог сын блуда даже мечтать об этом. Значит, надо строить свое собственное княжество» (с. 88).
- ²⁷ Все же Святослав к тому моменту был достаточно взрослым, Игоря не помнил и не любил, происхождение от Свенельда, внука Трувора, было ничем не хуже, да и сам факт его происхождения был никому (кроме родителей) неизвестен и никаких проблем с наследованием власти доставить не мог.
- ²⁸ «...ни единого раза не вспомнила о сыне, которого звали Святославом и который напрасно ждал, когда же наконец его вновь навестит матушка... Она навестила его перед отъездом. Святослав обрадовался, о чем-то оживленно рассказывал, но она плохо слушала. Невпопад похвалила за посадку в седле, сбивчиво говорила о протестах думских бояр, об их своеволии и... И о чем-то еще, хотя он ждал каких-то других слов и иных рассказов» (с. 33).
- ²⁹ См. *Михайлов А.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1974. С. 190–191; *Гуревич А.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 69–71.
- ³⁰ *Гуревич А.* Указ. соч. С. 89, 92.
- ³¹ «Удача выявляется в поступках человека, поэтому активное, решительное действие – императив его поведения. Нерешительность и излишняя рефлексивность расцениваются как признаки отсутствия счастья и осуждаются. Кроме того, и это очень важно, “счастье”, “удача” у скандинавов не нечто столь неотъемлемое и постоянно сопутствующее индивиду, чтобы он мог позволить себе не подкреплять их систематически своими поступками, не испытывать их в действии. От степени, характера счастья, везения человека зависит благоприятный исход его поступков, но лишь при постоянном напряжении всех моральных и физических сил он может добиться обнаружения своей удачи». – *Гуревич А.* Указ. соч. С. 89.